

Из собрания И. Т. Ралина

№ 13.

В. Мейерс

Вечеръ

№ 80.

Пятница, 22 Августа.

1908 г.

Къ восьмидесятилѣтню Л. Н. Толстого.

(28 августа 1908 года).

Послѣдній портретъ писателя.

(Со стереоскопическаго снимка изд. „Съюзъ“).

Л. Н. Толстой

ТОЛСТОЙ.

Признаюсь, никогда еще перо съ такой робостью не касалось бумаги, никогда мысль моя так трепетно не билась, какъ въ эти минуты. Писать о Толстомъ! Не значить ли это писать о себѣ, о своихъ лучшихъ чувствахъ и мысляхъ? Не значить ли это писать о славѣ великой Россіи, о роскошномъ плодѣ челоѣчества? Не значить ли это разрѣшить величайшую загадку гения?..

О Толстомъ написано столько, что, если бы въ мірѣ не было иной литературы, кромѣ литературы о Толстомъ, ей хватило бы для духовной жизни поколѣнія. Критики, художники и философы всѣхъ странъ, посвятили Толстому перлы своего вдохновенія. Было бы, пожалуй, лучшимъ памятникомъ къ юбилею великаго старца, если бы кто либо сумѣлъ собрать эти перлы въ одно ожерелье, издать всемірный сборникъ мыслей, вызванныхъ творчествомъ Толстого. Предисловіемъ къ этому сборнику могла бы служить, пожалуй, молитва отца Іоанна Кронштадтскаго о ниспосланіи угасающему гению скорѣйшей кончины... Самое новое и оригинальное, что было сказано о Толстомъ, прозвучало у насъ—прозвучало изъ устъ іереевъ православной церкви и представителей высшей провинціальной администраціи... Ибѣть же пророка въ своемъ отечествѣ...

Чтобы составить себѣ понятіе о Толстомъ, какъ цѣломъ, надо расчленивъ его на три лика, обращенные къ челоѣчеству: Толстой—художникъ, Толстой—философъ и Толстой—челоѣкъ.

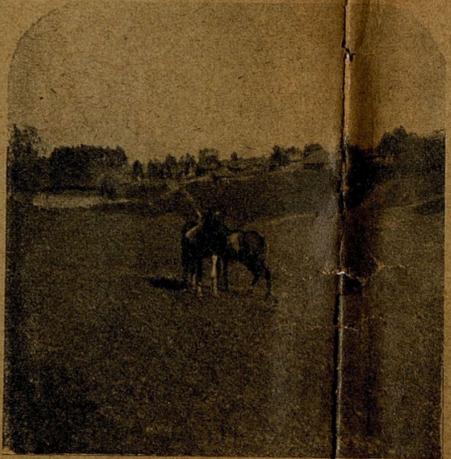
О Толстомъ художникъ ибѣтъ двухъ мнѣній—гениальность его художественнаго творчества стала почти аксіомой. Толстому посчастливилось не ибѣтъ въ числѣ критиковъ своихъ второго Писарева. Рука смертнаго не подымалась на мавзолей славы, воздвигнутый авторомъ „Войны и Мира“ и „Анны Карениной“. Въ этомъ мавзолеѣ русская пылкая мысль, правда, искала темныхъ пятенъ; но не было дерзновеннаго, кто бы не согнулъ своей шеи подъ величественными сводами храма. Люди всѣхъ партій и сословій сложили къ алтарю его дары своего удивленія и восхищенія. Въ этомъ отношеніи, не было въ Россіи, да и во всемъ мірѣ дарованія болѣе счастливаго: Толстой—художникъ еще при жизни окаменѣлъ въ грандіозную статую самому себѣ. И не найдется смѣльчака, который бы, подобно Донъ-Жуану передъ статуей командора, осмѣлился бросить ему дерзкій вызовъ...

Такая счастливая доля гения Толстого, доля, которой не удостоились гении еще болѣе лучезарные, какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь, объясняется, отчасти значеніемъ музы Толстого въ ряду другихъ, ей современныхъ и ее дополняющихъ. Наслѣдство Пушкина и Гоголя получили не одинъ Толстой: его раздѣлили между собой три гиганта русской мысли. Муза Толстого тѣсно жметъ къ музамъ Достоевскаго и Тургенева. Для русской жизни эти три писателя срослись въ вѣковой дубъ, обвившіи собою выжженную зноємъ безправія и всякихъ загадокъ ниву нашего быта. Роль корней этого дуба, глубоко зарывшихся въ нѣдра русской души, выпала на долю Достоевскаго; роль пышной листвы и ароматнаго цвѣта—на долю Тургенева; Левъ Толстой далъ намъ могучій стволъ дерева со всеми его причудливыми развѣтвленіями,—тотъ стволъ, который всѣмъ видѣнъ, понятенъ, доступенъ и который остается могучимъ даже тогда, когда листва на немъ опала. Отсюда счастливая доля Толстовскаго гения...

Толстой—величайшій изъ русскихъ реалистовъ. Онъ творецъ узора русской жизни, залетеннаго вулканическими изверженіями русской души, отвердѣвшими подъ вліяніемъ вѣшней атмосферы. Онъ не опускается въ глубь кратера, не касаясь вѣчнаго огня, бушующаго въ душевныхъ нѣдрахъ; онъ не изслѣдуетъ и вѣшнихъ стихій, стремящихся навстрѣчу внутреннимъ. Онъ остается между этими двумя теченіями—центробѣжнымъ и центростремительнымъ—въ поверхности соприкосновенія ихъ и запечатлѣваетъ метаморфозы этого соприкосновенія. Онъ стелется по землѣ, какъ дымъ отъ разведеннаго костра, окутывая все складки ея, всюду проникая и истребляя вредящихъ растительности мошекъ и парази-

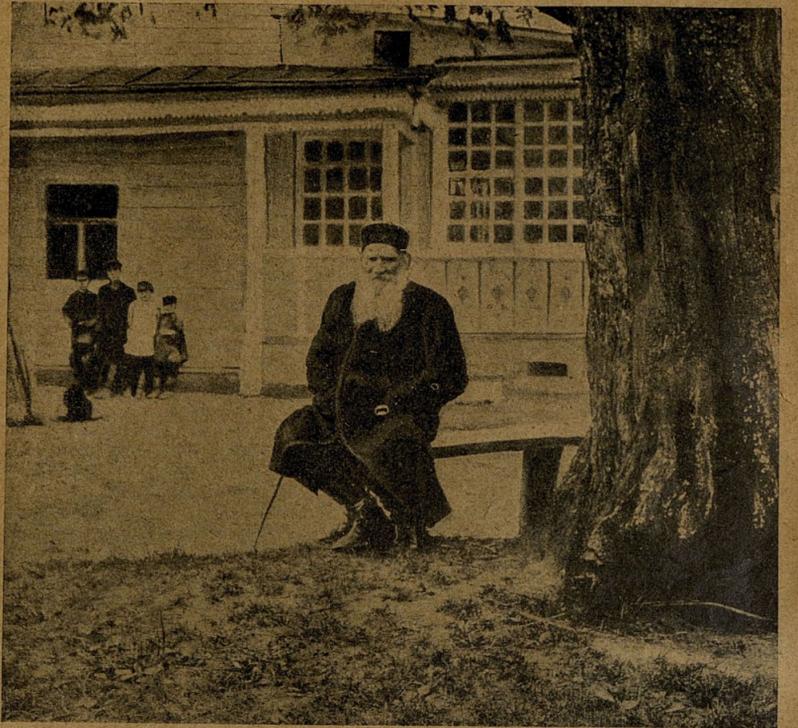
Вѣздъ въ Ясную Полянѣ.

Видъ деревни Ясная П.

Л. Н. Толстой и графиня Софья Андреевна.

Л. Н. Толстой подъ „деревомъ бѣдныхъ“.

Передъ поѣздкой верхомъ.

У письменнаго стола.

товъ. Толстой—бытописецъ земли во всемъ ея необятномъ творествѣ и разрушеніи, во всемъ ея неустанномъ напряженіи и чарующемъ разнообразіи. Онъ реальность по столыку, по сколку реальны все страданія и все блага земныя, оторванныя отъ философскаго ихъ корня и лишеныя оцѣтывающей ихъ мистической дымки. Для его гения одинаково цѣнны и страданія скакуна, ломающаго спину подъ Вронскимъ и страданія „идейнаго“ кн. Болхонскаго, и страданія великолѣпнаго самца кн. Куракина; съ той же методичной подлинностью онъ запечатлѣваетъ и счастье дѣвочки Наташи, выражающееся въ раздуваніи дѣтской юбки и счастье Наташи-матери, торжественно показывающей мужу замаранныя желтымъ пеленки; и счастье Каратаева, когда его пристрѣлили за отмороженными ногами и счастье его собаки, когда она, свернувшись клубочкомъ, грѣлась за спиной своего хозяина. Все это разноцвѣтное, разнозвучное, осмысленное и безсмысленное, чарующее и возмущающее, великое и смѣшное ложится на пластинку Толстовскаго гения сплошнымъ узоромъ земной коры. Недаромъ же народная мудрость назвала его великимъ писателемъ земли русской. Говорятъ, въ основѣ всякаго гения—правда. Но правда бываетъ разная—земная и небесная, внутренняя и вѣшняя.

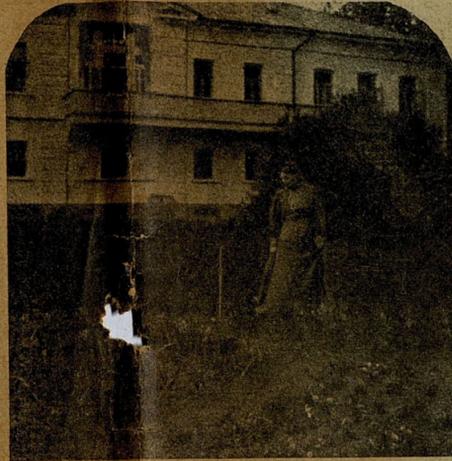
Всему реальному, существующему, сопутствуетъ тѣневая часть. Тотъ-же самый ландшафтъ и предметъ, освѣщенные съ разныхъ сторонъ, производятъ совершенно разное впечатлѣніе. Въ искусствѣ правда заключается не въ томъ, чтобы вѣрно скопировать данный образъ, а въ томъ, чтобы правдиво освѣтить его. Иблизъ есть гармонія свѣта и тѣней. Тайна жизни—тайна этой гармоніи. Толстой постигъ эту тайну. Его гений—полюденное солнце, сохраняющее за жизнью наивысшую ея реальную правду. Съ этой недостижимой высоты онъ освѣтилъ и душу ребенка, и душу взрослого, и сердце женщины и умъ мужчины, и кротость пахаря и мужество воина, и величіе Наполеона, и непосредственность Катюши Масловой, и посредственность Неклюдова, и здоровый плотскій инстинктъ Позднышевой, и нездоровую ревность ея мужа, и пахучее сладострастіе юной казачки, и смрадный развратъ мужицкой избы, и загулъ хозяина и покорность работника, и драму смерти Ивана Ильича, и поэмѣ „Холстомеръ“. Весь пышный уборъ земли русской оказался подъ лучами гения Толстого и онъ щедро освѣтилъ и грѣлъ эту землю, влюбленный въ нее и любимый ею. Если-бы нужно было проводить параллель между творчествомъ трехъ великихъ русскихъ писателей: Достоевскаго, Толстого и Тургенева, я бы уподобилъ гения перваго—ут-

и Ясная Поляна.

(Со снимков стереоскопич. издания „Святъ“).

За чайнымъ столомъ.

Видъ дома Л. Н. съ южной стороны.

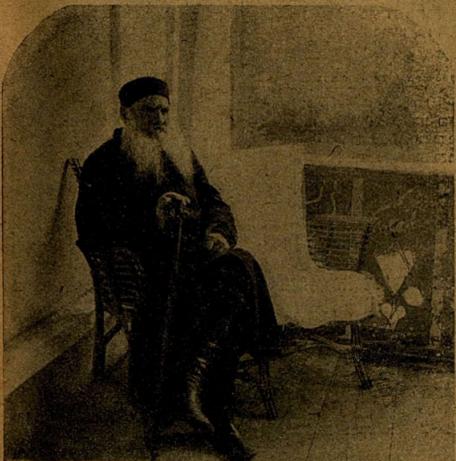
Левъ прогулки.

Видъ усадьбы Ясная Поляна.

Школа Л. Н. Толстого.

На террасѣ.

вѣдѣтвіе этого, у людей со слабой волей, тупѣетъ вкусъ къ жизни. Словомъ, философія творчества, философія синтетическая, устремляется отъ частнаго къ общему и имѣетъ своимъ объектомъ единый законъ жизни; философія аналитическая устремляется отъ общаго къ частному и, для подтвержденія единого закона жизни, требуетъ подтвержденія множества второстепенныхъ законовъ.

Всѣ эти объясненія могутъ грѣшить противъ догмъ философскаго мышленія; но они для меня служатъ ключемъ къ тайнѣ раздвоенія Толстого. Взлетѣвъ на небо синтетическаго творчества, Толстой дерзнулъ совершить обратный полетъ, захотѣлъ въ обратномъ порядкѣ пройти всѣ этапы своего творчества, захотѣлъ пережить сознательно все то, что бессознательно уносило его къ обобщеніямъ. Началось это, какъ всѣмъ извѣстно, со второй половины романа „Анна Каренина“, гдѣ въ душу Левина уже заложены зародыши болѣзни философскаго познанія, съ тѣхъ поръ свѣдающей душу великаго поэта. Мало по малу, переходя отъ этапа къ этапу, отъ разложенія чувствъ любви, счастья и всей поверхностной гармоніи жизни, Толстой опустился на глубину религиозныхъ вѣрованій и фундамента морали, попутно разрушивъ цитадель государственнаго и социальнаго быта. Съ отвагой, свойственной гению и съ ненасытною славянскою душою, Толстой совершилъ этотъ тернистый путь до конца, не оставивъ нетронутымъ ни одного устоя общезжитія, ни одной душевной функціи. И вотъ, на склонѣ жизни, этотъ гигантъ творчества, этотъ Самсонъ поэзи добровольно себя обстригши, стоитъ между обломками храма, когда-то имъ воздвигнутаго. Но обвалъ пощадилъ виновника его. Толстой-художникъ не погибъ. И спѣшно, лихорадочно считая минуты, онъ возводитъ изъ мусора и обломковъ новый великолѣпный храмъ. Успѣетъ ли? Вотъ вопросъ, мучающій каждое русское сердце...

Не беру на себя смѣлость быть критикомъ Толстого-философа. Мнѣ кажется, прежде всего, что моментъ для такой критики не наступилъ еще и что общая схема міровоззрѣнія Толстого еще недостаточно выяснена. Одна уже его теорія непротивленія злу требуетъ самаго тщательнаго изученія и освѣщенія; а публикѣ она извѣстна лишь въ своихъ грубѣйшихъ очертаніяхъ, въ своей механической сути. Точно также далеко не выяснена религиозная сторона ученія Толстого, хотя уже таетъ предразсудокъ въ такъ называемомъ Толстовскомъ безвѣрїи. Только ослабленные изувѣрствомъ епископы и іереи, только губернаторы типа Щедрина (съ фаршированными головами) считаютъ еще Толстого атеистомъ. Весь-же религиозный міръ привѣтствуетъ въ немъ Богоносца, отвергшаго догматы, какъ заслону величія и блеска божества. Толстовскій социализмъ и анархизмъ тоже требуютъ подтвержденія. Страстная агитація противъ войнъ, насилія и смертной казни вовсе не доказываетъ анархическихъ тенденцій Толстого. Въ одномъ его враги, кажется, не ошибаются: Толстой принесъ въ жертву русской идеалъ—общечеловѣческому. Насколько Толстой-художникъ принадлежитъ Россіи, настолько Толстой-философъ принадлежитъ всему человѣчеству.

* * *

Толстой-человѣкъ! Эту загадку не по силамъ разрѣшить не только далекимъ, но и близкимъ къ нему людямъ. Самый интересный, самый захватывающій изъ всѣхъ романовъ Толстого, былъ бы романъ его о себѣ самомъ. Но такого романа онъ не напишетъ уже потому, что Толстой-человѣкъ для Толстого-художника самая глубокая изъ всѣхъ загадокъ. О личности Толстого, о жизни его, о радостяхъ и горѣ, писалось столько же, сколько о его произведеніяхъ. И все таки личность эта осталась въ дымкѣ, полумистической, почти легендарной. Когда говорятъ—Левъ Толстой, это звучитъ для русскаго уха, почти какъ—Илья Муромецъ, Никита Добрыничъ, Иванъ Сусянинъ, Мининъ. Возлѣ личности Льва Толстого народное воображеніе советуетъ не одну легенду—личность эта будетъ жить въ потомствѣ со всѣмъ ореоломъ окружающей его славы, охваченной терновымъ вѣнкомъ внутреннихъ мукъ и вѣдшихъ коллизій.

Говоря о Толстомъ, какъ о человѣкѣ, можно утверждать, что судьба послала ему рѣдкое счастье и рѣдкое несчастье. Толстой—самый счастливый и самый

реннему солнцу, гения второго—полуденному, а гения третьяго солнцу заката. Между мистикой и грустью русской литературы Толстой, единственный изъ нашихъ писателей, сумѣлъ сохранить безстрастіе Олимпійскаго бога, взирающаго на землю какъ на подножіе небснаго трона. Но это безстрастіе онъ тотчасъ же теряетъ, становясь изъ художника философомъ.

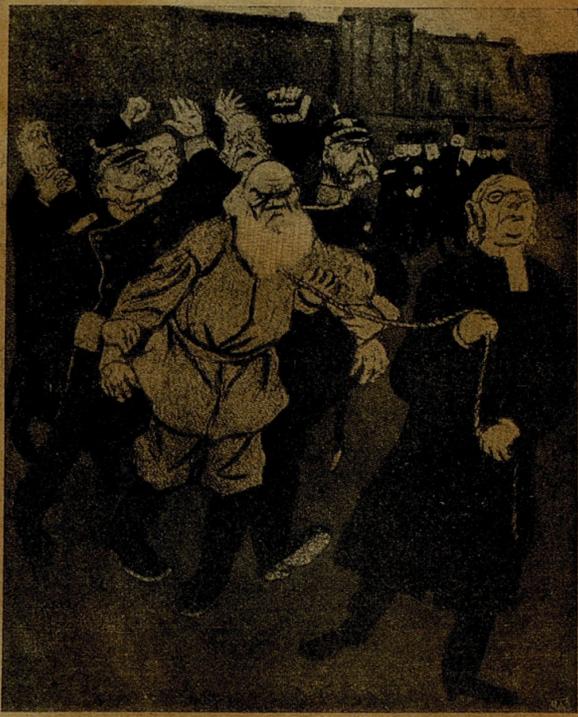
* * *

Насколько всѣмъ понятенъ и доступенъ Толстой-художникъ, настолько розни и вражды во взглядахъ возбудилъ Толстой-философъ. Насколько его гений художественный объединилъ все человѣчество въ гимнъ восторга и умиленія, настолько его разумъ философскій посеялъ раздоръ, зажегъ страсти и благоговѣнію однихъ противопоставилъ злобу и ненависть другихъ. Можно сказать, что Толстой-философъ разрушилъ огромную часть мавзолея, воздвигнутаго Толстымъ-художникомъ—разрушилъ очарованіе поэзи и непосредственности своего творчества. Въ этомъ смыслѣ, передъ нами единственный примѣръ исторіи—примѣръ губительной схватки въ душѣ гения двухъ началъ творчества—синтеза и анализа. Въ душѣ Толстого побѣдилъ послѣдній. Достигнувъ высшей ступени синтетическаго творчества, Толстой ринулся въ бездну анализа. И, чтобы не служить сразу двумъ

богамъ, сжегъ то, чему поклонялся. Вторую половину своей сознательной жизни Толстой посвятилъ исключительно аналитическому изученію природы и жизни.

Каждый художникъ неизбежно долженъ быть и философомъ. Чтобы запечатлѣть узды жизни, нужно знать ея законы, нужно освоиться съ канвой этого узора. Но есть философія и философія. Одна ищетъ началъ объединенія, гармоніи въ цѣломъ, закономернаго оправданія всѣхъ переходящихъ жизни и такого разрѣшенія неразгаданныхъ загадокъ бытія, при которомъ не рвали бы связи узора и не колебались въ людяхъ устои бытія, не прищиплялся бы вкусъ къ жизни:—такая философія присуца величайшимъ гениямъ человѣчества, не исключая и Толстого перваго періода: такой философіей дышатъ произведенія Пушкина, Гоголя (до „Перевиски“), Шекспира, Байрона, Гете, Шиллера, Данте, Кальдерона, Сервантеса и друг. Философія другого рода, философія аналитическая, колеблется своей имѣющая Востоку, а на Западѣ свившая себѣ гнѣздо въ Германіи, ищетъ началъ разложенія, гармоніи въ частностяхъ, закономернаго отрицанія несовершенствъ жизни и такого разрѣшенія спорныхъ загадокъ бытія, при которомъ обязательно рвется связи усвоеннаго большинства міровоззрѣнія, колеблется самыя устои мышленія и чувствованія и,

Толстой въ карикатурѣ.

Л. Н. Толстой въ Лѣтвицѣ. Рис. Т. Гейге („Simplicissimus“)

несчастный человекъ—такъ слѣдовало бы резюмировать свѣдѣнія изъ его биографіи. Это сплетеніе въ одномъ узлѣ величайшаго счастья и величайшаго горя начинается съ той поры его жизни, когда безмѣрно гордый гений творчества ринулся въ бездну разрушенія, когда въ Толстомъ—художникѣ выгнулась впервые Толстой-философъ. Начало этой мрачной драмы описано въ мукахъ Левина изъ „Анны Карениной“. Пролетите эти муки на 40 лѣтъ, усложните ихъ накопленнымъ за это время горькимъ опытомъ жизни, утончите развивающимся самосознаніемъ и получите обратную сторо-

скихъ извѣстныхъ писателяхъ, невольно зовалась и долей счастья Толстого. Въ этомъ смыслѣ онъ является исключеніемъ изъ печальнаго правила о драматической судьбѣ всѣхъ русскихъ дарованій. Но если драматизмъ не коснулся его судьбы въ области, гдѣ люди привыкли различать горе отъ счастья—въ области достиженья, усилья, любви,—то онъ не миновалъ, коснулся его въ области отъ всѣхъ чертой, въ области самосознанія. Последній доль души Толстого по поводу смертной казни, если въ немъ есть хоть доля правды, свидетельствуетъ о мукахъ, превращающихъ мѣру человѣческаго терпѣнія. Когда

Leo Tolstoy

„Знаменитые современники“.—Л. Толстой. Рис. Олера Гульбрэнсона („Simplicissimus“).

между ними, упрекаетъ Толстого въ извѣстномъ аристократизмѣ мысли, въ нѣкоторой поверхностности и даже неискренности его чувствованій. Съ этимъ можно согласиться, или нѣтъ. Но, кажется, безспорно, Толстой болѣе склоненъ къ наслажденію, чѣмъ къ страданію, къ равновѣсію, чѣмъ къ раздвоенію, что онъ, просто не привыкъ мучиться. Его душа рвется изъ сѣти мукъ, какъ вольная птица изъ силковъ,—рветъ эти сѣти, топчетъ все, что на ей пути. Когда Толстой еще былъ девиннымъ, онъ, борясь съ развѣдавшимъ его недугомъ сомнѣнія, готовъ былъ покончить съ собой. Позднѣе, когда недугъ пошелъ въглубь, онъ вмѣсто ружья, ухватился за свой разумъ и убилъ имъ свою вѣру, традиціи, въ которыхъ выросъ и весь строй окружающей его жизни. Въ то время, какъ Достоевскій исходилъ кровью надъ двойственностью засѣваго въ него Карамазова, изгонялъ изъ себя всяческими „надрывами“ бѣса сомнѣнія; въ то время, какъ Гоголь заплатилъ жизнью за моментъ дьявольской гордыни, искупивъ ее сначала униженіемъ; въ то время, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ изнемогли подъ бременемъ сверкнувшего надъ ними откровенія и даже благоухающей, уравновѣшеннаго талантъ Тургенева безсилно заметался между загадкой „отцовъ и дѣтей“,—Толстой, съ страстнымъ нетерпѣніемъ неумѣющаго, непривыкшаго къ страданіямъ, барина рванулся изъ нихъ всей силой своего гения, все опрокинулъ и обрѣлъ, какъ кажется ему, потерянную гармонию.

Намъ остается поздравить великаго старца съ этой драгоценной находкой. Могуше вмѣстить, да вмѣстятъ! Но нельзя слишкомъ строго осудить и тѣхъ, кто не вмѣщаетъ. Путь къ истинѣ—тернистъ. Чтобы понять Толстого, нужно пережить его радости и его муки. Драма жизни Толстого настолько индивидуальна, насколько индивидуальна его гений. Это не драма великихъ учителей человѣчества—Будды, Магомета, Христа и даже Лютера и Гусса. Это не драма великаго народо-водца Моисея. Это—драма личная, имѣющая своимъ объектомъ свое „я“. Поэтому, даже хриплый стонъ: „повѣсьте меня“, производить впечатлѣніе скорѣе самообороны, чѣмъ жертвы „за други свод“. Быть распятымъ за идею, Толстой не могъ, или не хотѣлъ. Онъ не смогъ даже до конца воплотить эту идею въ своей личной жизни. (Не могъ освободиться отъ узъ семьи, собственности и своего исключительнаго положенія). Но онъ сдѣлалъ, что могъ: онъ любилъ, страдалъ, наслаждался, онъ творилъ и разрушалъ, онъ—жилъ. И если примѣръ этой полной, какъ кубокъ, жизни найдеть подражателей, если гений его зажжетъ чужой гений, а сомнѣнія вызовутъ благородную смѣлость разсѣять ихъ, великая жизнь эта угаснетъ не безслѣдно. Мы вѣримъ въ это.

Баянъ.

Редакторъ П. П. Теренинъ.
Издатель І. Табурно.

Толстой и Куринъ—гг. офицеры. Рис. П. Гроянскаго („Сѣв. Водкъ“).

ну блестящей медали. Но то, что начертано на лицевой, можетъ заставить забыть всѣ ужасы обратной. Посланное Толстому счастье жизни было такъ полно, такъ всеобъемлюще и такъ пѣнисто, какимъ рисуютъ его только въ сказкахъ. Просто не придумаешь, кому изъ великихъ людей посылалось еще такое счастье... Въ счастья личной жизни Толстого соединились всѣ элементы, изъ которыхъ составляется доступное на землѣ благо: талантъ, слава, богатство, молодость, здоровье и любовь. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ, не говоря уже о Гоголѣ, Достоевскомъ и, вообще, всѣхъ рус-

80-ти лѣтній старикъ, отецъ семейства, мировой гени и глубоко вѣрующей мыслитель, молитъ, какъ о благѣ, о „мыслиной петлѣ“—чаша его страданія значить переполнилась. Но, съ другой стороны, и чаша жизненныхъ благъ, полна до краевъ. Между этими двумя чашами, какъ между двумя Голговами—мукъ и наслажденія—кончатъ свои дни тотъ, кому удалось при жизни еще посѣтить и адъ и небо... * * *

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ критиковъ Д. С. Мережковскій, въ своемъ большомъ трудѣ о Достоевскомъ и Толстомъ, проводя параллель

КЪ ЮБИЛЕЮ Л. Н. ТОЛСТОГО.

Стереографическое издательство „СВѢТЪ“ выпустило въ продажу новое роскошное стереографическое изданіе

„Л. Н. Толстой и Ясная Поляна“

Полн. серия 25 карт. 1 т. съ пояснит. текстомъ—10 р., сокр.—15 кар. 1 т.—6 р. Картины эти въ стереоскопѣ даютъ почти полную иллюзію дѣйствительности, перенося зрителя въ Ясную Поляну, давая полное представленіе объ обликѣ и домашней обстановкѣ великаго русскаго писателя.

На складахъ издательства находится и продается также роскошный портретъ Л. Н. Толстого (изд. „Солнце“, снятъ въ Ясной Полянѣ 23 мая с. г. С. М. Прокудинымъ-Горскимъ при посредствѣ цвѣтной фотографіи, наклеенный на паспортъ. Размѣръ паспарту 34×50 см., рисунка—26×36 см. Цѣна портр. 2 руб. съ пересылкой 2 руб. 25 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСНА НА РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ

„Вся Россія въ стереографическихъ картинахъ“

Лучшее наглядное пособіе и образовательно-воспитательное средство для семьи и школы. Вышли въ свѣтъ: „Крымъ“ съ пояснит. текстомъ подъ ред. С. Я. Елпатьевскаго. Полн. серия 75 карт. 3 т.—30 р., сокращен. 50 кар.—2 т. 20 р., краткая 25 кар. 1 т.—10 р., „Финляндія“ съ текстомъ подъ ред. проф. Д. Н. Анучина. Полн. серия 100 карт. 4 т.—40 р. сокращ. 50 кар.—20 р., кратк. 25 карт. 1 т.—10 р.

Пробный выпускъ каждой серии въ 5 карт. высылается за 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ издательства: Москва, Чистые пруды, 23; въ редакціи и отдѣленіи конторы: СПб., М. Московская, 2, и у агентовъ, снабженныхъ особымъ удостовѣреніемъ на пріемъ заказовъ.